

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 86, No. 11-1, pp. 1950-1956, 2014

DOI: 10.13187/er.2014.86.1950
www.erjournal.ru

UDC 811.161.2+81'342/344]+38

Connotative Implicitness of Explosive Unvoiced Sounds [K], [K:], [K'] in Ukrainian Poetic Language

Ludmila F. Ukrainec

Poltava V.G. Korolenko National Pedagogical University, Ukraine
36003 Poltava, Ostrohradskoho St., 2
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: ukrayinetz@mail.ru

Abstract

This article deals with the problems of modeling sound architectonics in Ukrainian poetic language of XX–XXI centuries. Particularly, associative orientation of unvoiced sounds [к], [к:], [к'] is postulated in the formation of emotional and semantic dominant of personalized discourses with pronounced traits of national specifics. Connotative implicitness of explosive consonants, as an exhibitor of pragmatic dynamics of composition, is specified by ontological perspective of multiple interpretations of phonetically motivated linguistic units.

Keywords: unvoiced explosive consonants; connotation; association; implicitness; Ukrainian poetic language of XX–XXI centuries.

Введение

Исследование имплицитных механизмов моделирования эстетического эффекта фонетическими единицами украинского поэтического языка XX–XXI вв. не может обойтись без системной экспликации коннотативного потенциала согласных. И хотя в лингвистике принято считать, что “поэтическая речь вокализируется” [1, с. 72], однако специфика акустических и артикуляционных свойств консонантных звуковых типов иллюстрирует ярко выраженный стандарт синхронизации семантического и эмоционального компонентов фонетической структуры поэтического языка именно вследствие ассоциативной выразительности эксплозивного сегмента шумных согласных. В этом контексте логичными кажутся размышления О. Мандельштама о стихах как поэтических образцах “настоящей человеческой речи”, которая “насыщена согласными и щелкает, и хлопает, и свистит ими” [2, с. 299]. Исследования консонантизма в конце XX – начале XXI вв. (В. Левицкий, А. Журавлев, Г. Векшин, С. Воронин, С. Бондарь, М. Балаш, К. Крисанова и др.) подчеркивают тенденцию к порождению эмоционально-семантической парадигмы звуковой материи в зависимости от “насыщенного” повтора, шумовая фаза которого играет роль ассоциативного стимула, в частности глубинных компонентов формирования эстетического образа [3, с. 242]. От имплицитной информации таких акустических сегментов зависит степень яркости художественного пространства языка, поэтому коннотативные возможности консонантного континуума способствуют генерализации принципов развития коммуникативно-функциональной парадигмы поэтического дискурса

и находятся, бесспорно, среди актуальных исследований фоносемантических явлений современной славянской лингвостилистики.

Перспективы переосмысления эволюционной динамики эстетических стандартов функционирования лингвистических единиц определили цель исследования: проанализировать коннотативную имплицитность глухих эксплозивных [к], [к:], [к'], благодаря которой инфляция общеупотребительных слов не затмила глубину эстетической сущности поэтического языка как формы эмоциональной интерпретации объективной действительности.

Материалы и методы

Интеллектуальный и эмоционально-эстетический ракурс дискурсивного значения [к]-тональности проанализирован в поэтическом языке украинских художников слова XX–XXI вв. (Д. Загул, В. Кобылянский М. Семенко, Т. Осьмачка, В. Симоненко, И. Драч, Г. Чубач, Н. Винграновский, Б. Олійник и др.) благодаря описательно-аналитическому методу с элементами сопоставительного и компонентного анализа. Коннотативно-стилистический синкретизм аллофонов [к], [к'], [к:] заднеязычной фонемы / к / как феномен человеческого сознания подтвержден результатами ассоциативного эксперимента, участниками которого были 182 респондента (возраст от 18 до 22 лет) – студенты и магистранты Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко (г. Полтава, Украина). На 19 акустических стимулов **к**-континуума были получены 2575 однотипных эмоциональных реакций (из 3458 теоретически возможных), благодаря которым сделаны выводы о “скрытых семах” (Р. Гинзбург) как результате избирательной психолингвистической реакции респондентов на артикуляционно-акустические свойства глухих аллофонов [к], [к:], [к'] фонемы / к /, которая принадлежит к категории согласных высшей частоты употребления и формирует глубинную семантико-прагматическую структуру номинативных единиц, приобретая статус имплицитной альтернативы смысловым парадигмам поэтического дискурса.

Обсуждение результатов

В современном украинском языке фонема / к / “широко употребляемая, поэтому обнаруживается в разных позициях во всех анализированных текстах” [4, с. 157], однако в структуре поэтического дискурса XX–XXI ст. коннотативные свойства ее аллофонов чаще находятся за пределами моделирования именно эстетического эффекта. Причина – в психологии субъективного восприятия эксплозивной артикуляции этих акустически релевантных сегментов вербального континуума. Прерывистый нерезкий шум, который возникает вследствие артикуляционного напряжения мягких тканей в задней части полости рта, соответствует символическим характеристикам низких тональных стимулов: [к] – “большой”, “быстрый”, “холодный”, “сильный”, “темный”, “твердый”, а [к'], наоборот, – “маленький”, “медленный”, “теплый”, “слабый”, “светлый”, “мягкий” [5, с. 52]). Акустическая вариантность небемольных [к], [к:], [к'] как результат дистрибутивных возможностей и специфики репродуцирования компактной характеристики влияет на психический аспект адаптации артикуляционных фаз смычки и взрыва, поэтому фонетическое мотивирование лексических единиц в украинском поэтическом языке находится на поверхности абсолютно противоположных стандартов апперцепции: твердый [к] – “неприятный”, тогда как частично мягкий [к'] – “приятный” [Там же]). Динамика ассоциативного напряжения [к], [к:], [к'], которые подчинены звукобуквенному символу **к**, позиционирует ассоциации, в общей сложности, далеки от многолетних попыток “осмыслить феномен «эстетического» при помощи универсалии «художественный образ»” [6, с. 15]. Создается впечатление, что субъективная аудиальная импрессия Дионисия Галикарнасского (“**К** раздражает слух: из однородных ей букв она наиболее крепкая” [7]) в славистике утвердилась как лингвостилистическая дефиниция какофонической акустики и, скорее всего, повлияла в XII ст. на книжника Евфимия, который позиционировал [к] “громяющим” и “шумным” [8; 9], а позже и на М. Ломоносова, для которого произношение напряженного взрывного [к] лишено наслаждения и поэтому используется,

“чтобы изобразить ... действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов” [10, с. 241].

В украинском поэтическом дискурсе XX–XXI ст. семантико-стилистический анализ звукобуквенного символа $k \rightarrow [k], [k:], [k']$, основываясь на девятнадцати ассоциативных впечатлениях респондентов прежде всего твердой $[k]$ -тональности (аллитерация $[k']$ – явление спорадичное), позиционирует собственно стилеобразующую (ритмообразующую) и аудиальную коннотации (Диаграмма).

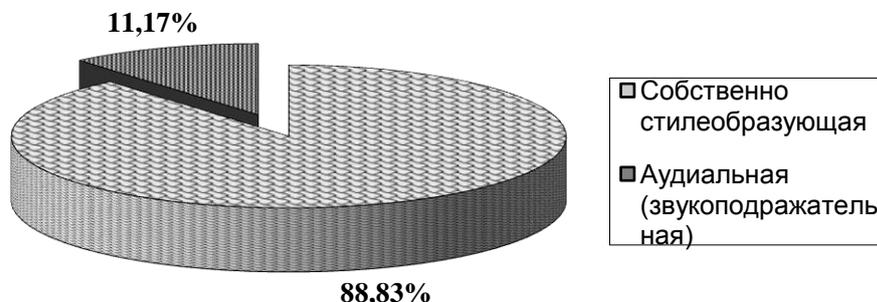

Диаграмма. Коннотативное поле глухих согласных $[k]-[k']$ в украинском поэтическом языке XX–XXI вв.

Собственно стилеобразующую коннотацию – 88,83 % (Диаграмма) - согласных $[k], [k:], [k']$ мотивируют девять ассоциаций; она подчинена формированию ритма поэтического языка на основании семантико-прагматической интерпретации звукового континуума с целью достижения разной степени образности. Коннотативные свойства, инициируемые глухим $[k]$, созвучны, бесспорно, социальной интерпретации стремительного, резкого ритма, отражая философию жизни, “на базе которой и возник модернизм, а после и символизм” [11, с. 623]. Представители этих течений первыми обратили внимание на приоритеты звукового континуума как формы изобразительно-познавательной деятельности: *Крешуть ламлють колють кригу льодоколи* (М. Семенко); *Черемош пінистий Кришить скелі ... Котить з гуркотом каміння* (В. Кобылянский). В художественно-концептуальной картине поэтического языка XX–XXI ст. эстетика ритма $[k], [k:], [k']$ обнаруживает корреляции конкретного образа – *Корона кіс спливає до ніг* (В. Вовк) – на фоне системы смысловых отношений, достигая разной степени эстетической метафоризации: *Не той уже хміль від коси, і краси, і косинки* (Б. Олійник). Звуковую гармонию *ритмообразующей коннотации* традиционно моделирует горизонтальная аллитерация твердого $[k]$: *мене колисала калина В краю калиновім тонкими руками, І кров калинова ... Горить в моїм серці гіркими зірками* (И. Драч). Вертикальная модель эксплозивных заднеязычных консонантов – это приоритеты не столько коннотативных семантических парадигм, сколько яркой динамики поэтически целесообразного ритма: *Віє метелиця, Крутиться, ... Котиться полем у млі; Килимом-хутрою падає...* (Г. Чупринка). И все же периодичность глухих $[k], [k:], [k']$ как онтологическая сущность простого или группового ритма [12, с. 125] не всегда достаточна для интерпретации семантико-прагматических компонентов вербальных единиц: *Кинув у воду капусти качан. Кричу* (М. Семенко); *Кров з них ріками текла* (В. Симоненко); *Вчені люди відверто сказали: Лікувальна, корисна... колись* (Г. Чубач), но в контексте “«фактографически-бытового» и простонародного характера” [13, с. 226] речи эта коннотация художественно целесообразна.

Аудиальная коннотация – 11,17 % (Диаграмма) – основывается на десяти ассоциативных впечатлениях, позиционируя статус периферийного сегмента коннотативного поля глухих взрывных $[k], [k:], [k']$, даже если имплицитность этого акустического импульса усиливают дрожание $[p]-[p']$. В украинской фоностилистике часто говорят о повторяемом сочетании $[kp]$ как элементе аудиально-смысловых ассоциаций голосов “воронья будущего”, однако материальным основанием для таких выводов есть традиционно не коннотация доминирующей эксплозивной акустики, а семантика ключевого слова “крик”. “Эмотив **крик** в контексте анаграммы многократным звуковым

“напоминанием” словно растворяется в сегменте стиха” [14, с. 52]. Коннотативный аспект этого сочетания фонем подтвердили украинские лингвисты (И. Чередниченко) в поэтическом дискурсе еще середины XX ст. как постоянную характеристику психологически напряженной эмоциональной тональности на основании градации, которая позиционирует и нейтральное звучание, и пафосный, “суровый мотив священной борьбы”: *Крізь рев огню, крізь свист і скрегіт сталі, Крізь гуркіт битв, крізь гук і вибух січ, Крізь землетрус, крізь вкриті димом далі Ми чуєм клич – це України клич* (Н. Бажан). Для раскрепощенного, креативного сознания говорящего такая поляризация онтологической сущности акустически-артикуляционных особенностей предлога “крізь” есть своеобразным вектором напряженного ритма миллионов сердец, а коннотативная природа конвенционального знака – сочетания [кр] – приобретает статус микро(макро)семы функционально активного агитационного лексикона. Интерпретацией этих консонантов во времена репрессий поэты позиционировали единство “жестокой реальности и гиперболизированного авторской фантазией “проживания” ее в реальности художественной” [15, с. 8]: *Гаряча кров його на кризі Надворі іскрами горить* (Т. Осьмачка).

Тональность, детерминированная повторяемым звуко сочетанием [кр], - экспонент аудиальной коннотации, которая обязана не только волевым импрессиям и динамизму психологического напряжения поэтического языка, но и звукоподражательным аллюзиям, персонифицирующим *конский топот: Квадратний крок і коней і людей Котився в строгім ескадроні* (Н. Бажан). “Следует обратить внимание на одну деталь, – писал в свое время И. Качуровский, – когда конские подковы ударяют по камню – и поэт отображает их звуком “к” – это обыкновенное звукоподражание” [16, с. 163]. Способность твердого согласного [к] порождать такие звукоподражательные ассоциации создает в поэтическом языке XX-XXI ст. когнитивную почву для авторского лингвокреативного мышления, позиционируя психологически мотивированный характер реконструкции фрагмента языковой картины мира по законам конкретной слуховой импрессии: *Відступали копита коней бойових* (Н. Бажан). Созданный по принципу чеканной гармонии слова и ритма с доминированием приоритетов фонетического символизма, такой поэтический язык эмоциональной образностью твердой [к]-тональности ассоциативно причастен к эстетически-интеллектуальной интерпретации процессуальных фрагментов объективной действительности, среди которых:

- **карьер:** *Коні круто крешуть в брук, Ще копита не притерті* (Б. Олійник);
- **алюр** или **галоп:** *Камінні коні поволі скачуть: коні невільників, коні королів* (П. Килина);
- **медленный шаг:** *Клятий іде, На короткій оброті Золотого коня веде* (В. Свидзинский).

Заметить и так тонко воспроизвести контраст звуковой динамики глухого [к] на фоне денотативно-референтной статики как поляризацию онтологически вариантных коннотаций – “<игру> со значениями, смыслами, ... «прочтением»” [17, с. 68] – под силу разве что художнику слова, чьи фоновые знания зачастую основываются на ассоциациях сновидений, которые придают большую выразительность поэтике модернизма и поражают “своей необычностью, сгущением, волнующей неповторимостью” [18, с. 9]. Поэтому не такими уж и случайными оказываются “потенциальные признаки” [19] текстуальной аллитерации с доминирующим эксплозивным [к] в реализации фразеологического значения украинской народной пословицы *Привів коня кувати, коли кузня згоріла*, звуковой континуум которой детерминирует стратегию чеканного шага “коней и людей”. Коннотативная имплицитность ритмической организации [к]-тональности позиционирует напряженность шагов: *Прийшли вовки, прийшли шакали, Когось кляли, когось шукали Крізь ніч і дим* (Д. Загул).

Эмоциональные стратегии твердого [к] акустически конкретизируют голоса птиц, в частности *клохтанье кур: І квокчуть кури попідтинню, І квокчуть сонце і хати* (Н. Винграновский). В контексте имманентных фоносемантических стереотипов глухих эксплозивных [к], [к:], [к’] это условная, но традиционная для украинского художественного

дискурса имітація звуків: *На порозі стояв розкішний у своєму гарячому пір'ї півень і солодко кохав над строкатим колом курей* (М. Стельмах).

Заключення

Коннотативна імпліцитність глухих експлозивних [к], [к:], [к'] свободно інтерпретує свідоме і підсвідоме як онтологічно обумовлену схильність українців до різних форм інтелектуальної рефлексії на оточуюче середовище, підчиняючи конкретний звуковий фрагмент концептуалізації ментального простору мовної картини світу.

Примечания:

1. Златоустова Л.В. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами / Л.В. Златоустова // Контекст: литературно-теоретические исследования / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1977. С. 61–81.
2. Мандельштам О.Э. Заметки о поэзии // Мандельштам О.Э.: Собрание сочинений в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. С. 298–301.
3. Крисанова Е.В. Особенности звуковой структуры стихотворных произведений. Консонантные и вокальные сегменты в стихотворном и прозаическом тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 402 с.
4. Чередниченко І.Г. Нариси з загальної стилістики сучасної української мови / І.Г. Чередниченко. К.: Рад. школа, 1962. 495 с.
5. Левицкий В.В. Семантика и фонетика: пособ., подготовл. на материале эксперимент. исследований / В. В. Левицкий. Черновцы, 1973. 104 с.
6. Молотаєва Н.В. Етноміфологеми у художньому мовленні Т. Г. Шевченка: концепт і знак / Н.В. Молотаєва // Мовознавство. 1994. № 2–3. С. 15–20.
7. Романов Д.А. Эмоционально-семантические параметры фонетической системы современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тула, 1998. 268 с.
8. Браиловский С.Н. Слово чудовского инока Евфимия о милости. “О милости и кии просящих достойни суть милости кии же ни”. / С.Н. Браиловский М.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1894. 76 с. (Памятники древней письменности. Т. 101) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/9521/read#page2> (дата обращения: 10.08.2012).
9. Памятники древней письменности. СПб, 1889, вып. 78. С. 125–134.
10. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию / М. В. Ломоносов: Полное собрание сочинений в 10 т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 7. С. 89–378.
11. Літературознавчий словник-довідник /за ред. Р.Т. Гром'яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка. К.: Академія, 2007. 752 с.
12. Антипова А.Н. Основные проблемы в изучении речевого ритма / А.Н. Антипова // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 124–134.
13. Новиченко Л.М. Поетичний світ Максима Рильського/Л.М. Новиченко: у 2 кн. К.: Наукова думка, 1993. Кн. 2. 269 с.
14. Бондаренко А. Поетичний звукопис у творах Василя Стуса: феноменологічна проєкція / Алла Бондаренко // Дивослово. 2008. № 1. С. 49–52.
15. Жулинський М. Приречений на самотність і вигнання / Микола Жулинський // Осьмачка Т. С. Хто: поезія: для ст. шк. віку / упоряд. та приміт. Л. Р. Світайло; передм. М. Г. Жулинського; худож. оформл. О.В. Руденка. К.: Веселка, 1995. С. 5–20.
16. Качуровський І. Фоніка / Ігор Качуровський. Ч. 7. Мюнхен: Український Вільний Університет, 1984. 208 с.
17. Шевченко Л.І. Лінгвістичні інтерпретації. Постлаканівська перспектива / Л. І. Шевченко // Мовознавство. 2006. №5. С. 66–72.
18. Астаф'єв О. Передмова / Олександр Астаф'єв // Поети “Нью-Йоркської групи”: антологія / упоряд. О. Г. Астаф'єв, А. О. Дністровий; передм. О. Г. Астаф'єва. Харків: Веста: Видавництво “Ранок”, 2005. С. 3–42.
19. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1971: сб. статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1972. С. 367–395.

References:

1. Zlatoustova L.V. Izuchenie zvuchashhego stiha i hudozhestvennoj prozy instrumental'nymi metodami / L.V. Zlatoustova // Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovanija / AN SSSR, In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1977. S. 61–81.
2. Mandel'shtam O.Je. Zametki o poezii // Mandel'shtam O.Je.: Sobranie sochinenij v 4 t. M.: Art-Biznes-Centr, 1993. T. 2. S. 298–301.
3. Krisanova E.V. Osobennosti zvukovoj struktury stihotvornyh proizvedenij. Konsonantnye i vokal'nye segmenty v stihotvornom i prozaicheskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2001. 402 s.
4. Cherednichenko I.G. Narisi z zagal'noi stilistiki suchasnoi ukrains'koï movi / I.G. Cherednichenko. K.: Rad. shkola, 1962. 495 s.
5. Levickij V.V. Semantika i fonetika: posob., podgotovl. na materiale jeksperiment. issledovanij / V. V. Levickij. Chernovcy, 1973. 104 s.
6. Molotaeva N.V. Etnomifologemi u hudozhn'omu movlenni T. G. Shevchenka: koncept i znak / N. V. Molotaeva // Movoznavstvo. 1994. № 2–3. S. 15–20.
7. Romanov D.A. Jemocional'no-semanticheskie parametry foneticheskoy sistemy sovremennogo russkogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tula, 1998. 268 s.
8. Brailovskij S.N. Slovo chudovskogo inoka Evfimija o milosti. "O milosti i kii prosjashhij dostojni sut' milosti kii zhe ni". / S.N. Brailovskij M.: Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1894. 76 s. (Pamjatniki drevnej pis'mennosti. T. 101) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.knigafund.ru/books/9521/read#page2> (data obrashhenija: 10.08.2012).
9. Pamjatniki drevnej pis'mennosti. SPb, 1889, vyp. 78. S. 125–134.
10. Lomonosov M.V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiju / M. V. Lomonosov: Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. T. 7. S. 89–378.
11. Literaturoznachij slovnik-dovidnik /za red. R.T. Grom'jaka, Ju.I. Kovaliva, V.I. Teremka. K.: Akademija, 2007. 752 s.
12. Antipova A.N. Osnovnye problemy v izuchenii rechevogo ritma / A.N. Antipova // Voprosy jazykoznanija. 1990. № 5. S. 124–134.
13. Novichenko L.M. Poetichnij svit Maksima Ril's'kogo/L.M. Novichenko: u 2 kn. K.: Naukova dumka, 1993. Kn. 2. 269 s.
14. Bondarenko A. Poetichnij zvukopis u tvorah Vasilja Stusa: fenomenologichna proekcija / Alla Bondarenko // Divoslovo. 2008. № 1. S. 49–52.
15. Zhulins'kij M. Prirechenij na samotnist' i vignannja / Mikola Zhulins'kij // Os'machka T.S. Hto: poezii: dlja st. shk. viku / uporjad. ta primit. L. R. Svitajlo; peredm. M. G. Zhulins'kogo; hudozh. oforml. O.V. Rudenka. K.: Veselka, 1995. S. 5–20.
16. Kachurovs'kij I. Fonika / Igor Kachurovs'kij. Ch. 7. Mjunhen: Ukrains'kij Vil'nij Universitet, 1984. 208 s.
17. Shevchenko L.I. Lingvistichni interpretacii. Postlakanivs'ka perspektiva / L.I. Shevchenko // Movoznavstvo. 2006. №5. S. 66–72.
18. Astaf'ev O. Peredmova / Oleksandr Astaf'ev // Poeti "N'ju-Jorks'koï grupi": antologija / uporjad. O. G. Astaf'ev, A. O. Dnistrovij; peredm. O. G. Astaf'eva. Harkiv: Vesta: Vidavnictvo "Ranok", 2005. S. 3–42.
19. Gak V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki / V.G. Gak // Problemy strukturnoj lingvistiki. 1971: sb. statej / AN SSSR, In-t rus. jaz. M.: Nauka, 1972. S. 367–395.

УДК 811.161.2+81'342/344]+38

**Коннотативная имплицитность глухих взрывных [к], [к:], [к']
в украинском поэтическом языке**

Людмила Федоровна Украинец

Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко, Украина
36003, г. Полтава, ул. Остроградского, 2

Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ukrayinets@mail.ru

Аннотация. В статье затронуты проблемы моделирования звуковой архитектуры украинского поэтического языка XX–XXI вв., в частности постулируется ассоциативная ориентированность глухих [к], [к:], [к'] на формирование эмоциональной и семантической доминанты персонифицированных дискурсов с ярко выраженными чертами национальной специфики. Как экспонент прагматической динамики текстообразования, коннотативная имплицитность взрывных согласных обусловлена онтологической перспективой множественных интерпретаций фонетически мотивированных лингвистических единиц.

Ключевые слова: глухие взрывные согласные; коннотация; ассоциация; имплицитность; украинский поэтический язык XX–XXI вв.